

Даўней атрыбуты хатняй ткацкай вытворчасці былі абавязковымі ў народных абрадах і звычаях, г.зн. мелі не толькі ўтылітарнае прызначэнне. Таму ці не самай надзейнай крыніцай захавання звестак аб гістарычных здабытках матэрыяльнай і духоўнай культуры служаць моўныя дадзеныя фальклорных твораў, найперш песенных.

Намі на матэрыяле вясельных песень, змешчаных у шасці тамах “Вяселле” са зводу Беларускай народнай творчасці, зафіксавана каля ста слоў, што адносяцца да тэмы ткацтва, якія дастаткова паслядоўна размяркоўваюцца па наступных лексічных групах: назвы тканіны (*палатно, сукно, шоўк, халсты* і інш.), назвы адзення (*кашуля, намётка, хустка, пояс* і інш.), найменні ткацкіх вырабаў для хатняга ўжытку (*абрус, ручнік, скацёрць* і інш.), назвы ткацкай сыравіны (*каноплі, лён* і інш.) і ткацкіх паўфабрыкатаў (*кудзеля, кужаль* і інш.), найменні ткацкіх прылад (*бёрда, пастаў* і інш.), асоб, занятых у ткацкай вытворчасці (*пралля, ткаля* і інш.). Да найбольш ужывальных у фальклорных тэкстах слоў адносяцца *платок, хустка, абрус, ручнік, намётка*. Гэтыя словы асабліва часта выкарыстоўваюцца не толькі ў прамым, намінальным, але і ў сімвалічным значэнні. У той час, як прамое значэнне з’яўляецца заўсёды канкрэтным і адназначным, сімвалічны пераносны значэнні вар’іруюцца ў залежнасці ад характару тых рытуальных функцый, якія адводзіліся названым рэаліям як сімвалам вясельнага абраду і сямейнага жыцця. Гэтай сімволікай суправаджаліся ўсе тыя этапы, што прыводзілі маладых да шлюбу і сямейнага жыцця, пачынаючы ад іх знаёмства, згоды на шлюб і канчаючы самім вяселлем, замужжам маладой і яе лёсам пасля шлюбу. Ткацкія вырабы сімвалізавалі не толькі гэтыя асноўныя ступені радаслоўнай сялянскага шлюбу, але і выконвалі дадатковыя рытуальныя функцыі, якія мелі непасрэднае дачыненне да тых ці іншых абрадавых дзеянняў: задобрыванне членаў сям’і маладога, сцвярдженне працавітасці дзяўчыны-нявесты, сімвала злучэння маладых.

Хаця выкарыстанне адпаведных вырабаў у пэўнай сітуацыі выконвае цэлую гаму разнастайных і складаных функцый, паспрабуем выдзеліць найбольш пашыраныя, характэрныя і празрыстыя з іх.

Ткацкія вырабы – сімвал працавітасці і майстэрства маладой. Вось, напрыклад, як спяваецца ў адной з вясельных песень, дзе намётка ўвасабляецца ў вобразе дзяўчыны, гаспадарчыя здольнасці якой перадаюцца праз яе ўменне выконваць тыя ці іншыя працэсы хатняй ткацкай вытворчасці: *Не глядзі, Іванька, на намётчку, Паглядзі, Іванька, на работачку: Ці ўмеець Полечка тонка прасці, Ці ўмеець Полечка бела бяліці, Ці ўмеець Полечка хараша пашыці.*

Ткацкія вырабы – сімвал вернасці маладых, згоды на шлюб: *Там Хвенечка ручку дала, Шаўковую хустачку перапала, Ткацкі платочак у ручку дала: -- Бел мой платочак пабялее, Міл мой сужанька памілее; Калі пайду не за люблага, Яму – віно зялёнае. А калі пайду за люблага, Яму хустачка шаўковая.*

Ткацкія вырабы – сімвал злучэння маладых. Так, напрыклад, хусткай або ручніком звязвалі рукі маладым у час вячання: *Пойдзем да папа, што нам поп скажа. Беленькім ручніком ручанькі звяжа; Нам поп ручкі звязаў, Усю праўду сказаў. Шаўковым платочкам Да з чужым сыночкам.*

Такую ж ролю выконвалі ткацкія вырабы, калі, напрыклад, ручнік, намітка або палатно клаліся пад ногі (як “падножнікі”) маладым у царкве пры вячання: *А ўжо я з Іванам спазналася, А ў адной цэркаўцы вячалася, Ой на адным ручніку пастаялі, З аднаго кубачка віно пілі; Запрагай, брацец, гнядога, Вязі ж ты мяне да бога, Ай, да белага ручнічка Да маладога Ванечкі.*

Прадметы ткацкага рамяства – сімвал замужжа маладой, пераход яе з дзявочага стану ў жаночы. З нявесты здымалі вянок – сімвал дзявочай чысціні і абвясвалі галаву наміткай, ручніком ці хусткай, што падкрэслівала яе замужняе становішча: *Мы сарвём з галоўкі цярай вянок, Мы ўскладзём на галоўку шаўкоў платок; А я ўзяў цябе паміж дзевачак, Ай, пушчу цябе паміж жончак. А я ўзяў цябе ў вяночку, Ай, пушчу цябе ў платочку.*

Прадметы ткацкага рамяства – сімвал збліжэння сямей маладых і ўтварэння аднаго роду. Дарамі маглі быць ручнікі, наміткі, хусткі, палатно, паясы і інш., што яскрава адлюстравана ў народных вясельных песнях: *Сні, мая нявеста, высытайся. Нямнога табе надабна: Сорак саракоў ручнікоў, Пяцьдзесят локаць намётка, Штоб было чым дараваць: Кожнай залоўцы – па намётцы, Кожнаму дзеву – па платку; Каб я гэту кашульку пашыла У нядзельку рана, У дарожачку ўлажыла, Каб свайму свякроўку ўгадзіла.*

Ткацкія вырабы – сімвал жаночай долі ў чужой сям’і пасля вяселля: *Русая каса – уся краса, А белая намётка – сухатка; Ці не лепі касе ў ланцузе, Чымся ў пасконным матузе? Пасконны матуз касу трэць, Рубковая намётка слэзкі льець.*

Без ручнікоў, намітак, хустак, паясоў, кашуль, палатна з іх разнастайнымі рытуальна-магічнымі функцыямі нельга сабе ўявіць беларускае вяселле ў мінулым.

Адназначныя выпадкі не вычэрпваюць усіх магчымасцей сімвалічнага ўжывання слоў ткацкай лексікі ў вуснай народнай творчасці, бо ўсё што фальклорныя публікацыі адлюструюць не ўсе вядомыя ў этнаграфіі магчымыя функцыі ткацкіх вырабаў. Нарэшце, нельга не ўлічваць і таго, што збор беларускіх вясельных тэкстаў яшчэ не завершаны.

И. Г. Гомонова (Гомель, Беларусь)

ПАРЕМИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЗИТИВНОГО ОЖИДАНИЯ (на материале пословиц и поговорок с местоимениями-посессивами)

Среди русских паремий с местоимениями-посессивами выделяется целый ряд пословично-поговорочных текстов с ярко выраженными функциональным назначением и прагматической установкой, которые заключаются в передаче позитивного ожидания, оптимистичного взгляда субъекта-посессора на свое будущее: *Будет и на нашей улице праздник; Придет время – будет и наша пора; И в мое оконце засветит солнце; Доведется и нам свою песенку спеть.*

Паремииологические единицы такого рода иллюстрируют обусловленность типа используемого посессива функционально-семантической специализированностью паремий: в анализируемых текстах представлены лично-притяжательные местоимения (ЛПИМ) *мой / наши*, указывающие на посессора 1 лица, а также возвратно-притяжательное местоимение (ВПИМ) *свой*, выступающее в данных текстах в аналогичной функции; в то же время в паремийнике отсутствуют выражения со значе-

нием позитивного ожидания, включающие прономинативы *твой / ваши*, которые соотносятся с посессором 2 лица (подобные варианты паремиологических единиц представлены отдельными случаями контекстуальной трансформаций). Объясняется это преимущественно направленностью таких иллокутивных установок паремий, как успокаивание, утешение, подбадривание и т. п., на сферу «своего».

В организации паремий с ЛПМ *мой / наши*, имеющих значение 'добьемся и мы своего, осуществляются наши надежды, желания; придет и к нам удача, восторжествует справедливость' [1, 51], участвуют абстрактные существительные *доля, часть* в значении 'участь, доля, жребий, удел, достояние жизни, счастье, судьба, рок, предназначенье' [2, 583], *пора, правда* и др. В сочетаниях этих субстантивов с ЛПМ оформляются несобственно посессивные отношения – отношения свойственности: *И на мою долю должен быть грош!*; *Пора придет и часть мою принесет; И наша правда будет, да нас тогда не будет*. Однако в большей части паремий позитивного ожидания в состав посессивных сочетаний с ЛПМ входят существительные-локативы (*улица, ворота, двор, подворье, окно*) и формально выражаются собственно посессивные отношения, получающие в пословичном тексте образное переосмысление: *Взойдет солнце и над (перед) нашими воротами; Взойдет солнышко и на наш двор (на нашем подворье); Заглянет солнце и в наше оконце; И на моих воротах солнце засветлеет*. Объединяет субстантивы, входящие в сочетания с ЛПМ, то, что все они имеют синкретичный характер с точки зрения соотносительности со своим / чужим пространством. *Окно, ворота, двор* – локусы с общей символической, обозначающей границу между своим и чужим пространством. *Улицей* же «на Руси назывались два ряда домов с проезжей частью между ними, и большой простор за околицей, и – в некоторых диалектах – проезд к каждому дому со стороны главного бокового фасада: таким образом, у каждого дома – своя улица [3, 40]. Следовательно, «праздник», о котором идет речь в паремии *Будет и на нашей (моей) улице праздник*, «был не только на определенной улице, но и в определенном доме, семье» [3, 40]. Это паремическое выражение представлено вариантами, связанными с позицией посессива (в ней может употребляться любое ЛПМ), однако в активный паремиологический запас это изречение входит именно в варианте с местоимением *наш*, которое может соотноситься в контексте как с единичным субъектом, так и с группой лиц: *Да-с, – самодовольно улыбаясь, говорил Белинский, – и на нашей улице будет праздник! Прозвела моя жизнь, точно тяжелый камень сняли у меня с груди. Теперь я опять почувствовал энергию к работе, в моей голове снова прояснилось, а то она была набита рубленой соломой* (Панаева, Воспоминания) [1, 52] – *Пусть их празднуют, – а лето придет, мы за празднуем; тогда на нашей улице праздник будет...* (Мельников, В лесах) [4, 76]. Сравн.: [Матвей:] *Молчи ж, Анюта! Будет и на моей улице праздник: ведь в барском огороде смородина поспевает; тогда я буду Матюша* (Плавильщиков, Бобыль) [1, 52]. В случае сочувственного обращения к собеседнику, включения его в сферу «своего» возможно использование этой паремии и с прономинативом *твой*: – *Жизнь у тебя не сегодня кончается, будет и на твоей улице праздник. За нас держись, мы не чужие. Переживем как-нибудь* (Тендряков, Не ко двору) [1, 52].

Посредством паремий с иллокутивной установкой позитивного ожидания, как правило, выражается оппо-

зитивная связь субъекта-говорящего (и – одновременно – посессора) и другого лица (лиц), которая может быть имплицитной и эксплицитной (когда противопоставление *мы (я) – они (вы, ты, он)* организуется путем корреляции ЛПМ *мой / наш* из состава паремии с другими местоименными словами в контексте): «*Нечего делать! – думал горбач, скрежеща зубами, – тебе удалось меня поддеть, ты из рук моих вырвал добычу, ты посмеялся над уродливым нищим, дерзкий безумец, – но будет и на нашей улице праздник!* (Лермонтов, Вадим) [1, 51]. Своеобразная оппозиция, обусловленная индивидуально-авторским переосмыслением паремии, представлена в следующем контексте. Это противопоставление *я – мы*: *Проходимец и безобразник, Верю: будет во вторник-среду И на нашей улице праздник Только дайте сперва я съеду* (Губерман, Московский дневник) [КП, 5-11 января 2006 г.].

Пословично-поговорочные выражения с возвратно-притяжательным местоимением, отражающие оптимистичный взгляд субъекта-посессора на свое будущее, представлены в русском паремийнике менее активно. Это несколько предложений-паремий с субъектом 1 л. ед. и мн. ч., который может быть формально выражен – прямым способом (*Мы еще свое возьмем!*; *Проведу и я свою борозду*) и косвенным способом (*Доведется и нам свою песенку спеть*) – или формально не выражен (*Надвое разорвусь, а своего добыюсь*). Содержание паремиологических единиц, в которых местоимение *свой* соотносится с субъектом 1 лица, носит более индивидуализированный характер по сравнению с содержанием паремий с метонимическим способом выражения субъекта, в которых посессор изображается через приписанные ему качества, черты характера. Значение таких паремиологических единиц в гораздо большей степени абстрагировано от конкретного субъекта-посессора: *Правда свое возьмет; Терпение исподволь свое возьмет; Старание и труд свое возьмут*.

Для обозначения цели, желанной для субъекта, в анализируемых паремиях используется субстантиват *свое* в составе сочетаний *взять свое, найти свое, добиться своего* с общим значением 'добиться желаемого': *Ничего, мы подождем. Подождем, а свое возьмем; Ждем, пождем, авось и мы свое найдем*. В отдельных выражениях для создания такого же образа используются субстантивные сочетания с посессивным значением (среди которых, однако, отсутствуют характерные для паремий с ЛПМ словосочетания со значением пространственной посессивности): *Мы еще свое слово скажем; Доведется и мне (нам) свою борозду провести; Доведется и нам свою песенку спеть*. В паремиологических единицах такого типа с ЛПМ посессив, как правило, является единственным средством выражения субъекта и именно его значение акцентируется посредством усилительной частицы. В паремиях с ВПМ такая частица находится при личном местоимении, конкретизирующем тип субъекта вследствие неспособности к этому местоимения *свой*. Паремии позитивного ожидания с ВПМ требуют дополнительного (помимо посессива) указания на субъект и составляют периферию паремиологических единиц с местоимениями-посессивами, выражающих оптимистичный взгляд говорящего на свое будущее.

Таким образом, в русских пословично-поговорочных паремиях с иллокутивной установкой позитивного ожидания местоимения-посессивы выступают в качестве своего рода актуализаторов, участвующих в создании обобщающего эпизода с конкретным оценочным значением и позволяющих в случае необходимости выразить

в контексте дихотомии «свое – чужое». Подтверждает роль местоименных слов в организации данных паремий представленность пословично-поговорочных выражений с таким же функциональным назначением и теми же образами, созданными с участием притяжательных местоимений, в других славянских и неславянских языках: бел. *Будзе і на нашай вуліцы свята; Загляне (калісь засвеціць) сонца і ў наша ваконца; Красуйся да часу, бяда, прыйдзе і мая нара;* укр. *Буде й на нашій вулиці свято;* болг. *И на нашата улица ще дойде празник (Великден);* пол. *I na naszej ulicy będzie święto; I przed*

naszym okienkiem słońce zaświeci; англ. *The sun will shine down our street too; The sun will shine on our side of the fence; One day our time will come.*

Функционально-прагматическая направленность данных паремий в будущее реализуется в последовательном использовании в них глагольных форм будущего времени. В пресуппозиции паремии позитивного ожидания содержат информацию о «своём» плохом, в связи с чем, собственно, и организуются такие тексты с ориентацией на коррекцию картины мира хотя бы в оптимистическом плане.

Литература

1. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 4. – 688 с.
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин – 2-е изд., стереотип. – Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. – 544 с.
4. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М. И. Михельсон. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 792 с.

Л. В. Грибанова (Брянск, Россия)

МЕСТО ЭРГОНИМА В СИСТЕМЕ ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Эргонимическая лексика, занимая особое положение в ономастике, характеризуется рядом свойственных только ей особенностей, которые позволяют выделить ее в отдельную группу. Этот разряд онимов недостаточно изучен, хотя по употребительности и разнообразию типов не уступает другим видам онимической лексики, например, антропонимам и топонимам, изучению и характеристике которых уделяется очень большое внимание.

Вопрос о месте эргонима в общей системе имени собственного неоднократно поднимался в специальной ономастической литературе, в частности, эргонимии посвящены работы А. В. Беспаловой, З. И. Бузиновой, Б. З. Букчиной, Л. В. Дубровиной, Г. А. Золотовой, С. А. Копорского, В. М. Лейчика, В. В. Лободы, М. Н. Морозовой, Е. С. Отина, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской и др.

В "Словаре русской ономастической терминологии" Н. В. Подольской эргоним определяется так: «Разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка (от греч. *ἐργον* – «дело, труд; деятельность, функция»). Примеры: *Организация Объединенных Наций (ООН), Международный астрономический союз (МАС), Академия наук (АН), Московский государственный университет (МГУ), Малый театр, комбинат "Правда", спортивное общество "Спартак", Собрание рыцарей Круглого стола, музыкальный кружок "Могучая кучка"» [1, 151].*

До выхода в свет первого издания "Словаря русской ономастической терминологии" Н. В. Подольской в 1978 году, эргонимы уже выделялись лингвистами в особую группу онимов. А. В. Суперанская в исследовании "Общая теория имени собственного" характеризует их как "названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, союзов и т. п." [2, 194].

Предлагая свою классификацию собственных имен, А. В. Суперанская за основу берет теорию немецкого ученого А. Баха. Он распределял все онимы в зависимости от того объекта, который они обозначают. В особую группу ученых выделил имена живых существ или существ, которых считают живыми; имена вещей, куда

отнес местности, дома, средства передвижения, произведения искусства, названия астрографических и космических объектов; именованья учреждений, обществ; именованья действий: танцев, игр; имена мыслей, идей: литературных произведений, военных и пр. планов; именованья музыкальных мотивов и произведений. По мнению А. Баха, наименования учреждений и обществ составляют изолированную группу, хотя, как считает А. В. Суперанская, "... по своим лингвистическим свойствам туда могли бы попасть названия периодических изданий, моделей машин и механизмов, индивидуальные имена драгоценностей и т. п." [2, 174]. Иными словами, исследователь предлагает относить названия учреждений, обществ, объединений, органов периодической печати, юбилеев, праздников, мероприятий, кампаний, стихийных бедствий и т. п. к комплексным объектам.

М. Н. Морозова в работе "Имена собственные русского языка (географические названия)" обращает внимание на собственные имена-названия средств транспорта, промышленных и хозяйственных предприятий, служб быта, культурно-просветительских учреждений [3, 4].

В своих исследованиях Ю. А. Карпенко для обозначения такого рода онимов предложил использовать термин "эргоним": "Среди ономастических историзмов много эргонимов. Сколько названий организаций и предприятий промелькнуло и исчезло..." [4, 8]. Образование данного термина осуществляется по аналогии со словами историзм, архаизм, неологизм, диалектизм, жаргонизм, окказионализм и под., которые строятся по общей модели: "базовое понятие +суфф. -изм".

Таким образом, в ономастической науке на современном этапе существует два варианта названия деловых объединений людей: эргонимы и эргонимы. Вслед за С. В. Земсковой отдаём предпочтение первому варианту, поскольку именно он содержит в своей структуре термин-элемент "оним", который непосредственно указывает на тяготение к именам собственным. Кроме того, термин "эргоним" образован по строго определенной терминологической модели, закрепленной в "Словаре русской ономастической терминологии" Н. В. Подольской, следова-